

обратился к ним: “Привет, чертовы янки”, — и дальше продолжал в том же духе. Крайне немногочисленная избранная публика была особенно отзывчива. Даже те, кто не интересовался поэзией, почувствовали, что прикоснулись к лучшей части Америки.

Визит подходил к концу. Несколько раз за эту поездку в минуты подавленности и уныния, когда ему казалось, что его встреча с Хрущевым не состоится и сам он будет отвергнут публикой, Фрост размышлял и говорил о близких ему людях, оставшихся в Бостоне, о том, каким дураком они должны его считать: отправился за границу на казенный счет без всякого смысла и толка. Но после столь очевидного успеха он думал о них с торжеством: теперь ему действительно было что предъявить. Он полностью сознавал, что его поездка имела успех. Поэтому он с еще большим нетерпением рвался назад, в привычный ему мир, где чувствовал себя непринужденно и снова мог приняться за работу.

Но мы улетали из Москвы только на следующее утро. На этот последний вечер был запланирован ужин у Твардовских — своеобразное символическое прощание, обещавшее скорую встречу. Хотя эта встреча так никогда и не состоялась, сам вечер, проникнутый русской сердечностью, может свидетельствовать об успехе посланнической миссии Фроста. Были Твардовские, Сурков и его жена, Дементьев (член редколлегии “Нового мира”) и его жена, кинорежиссер Козинцев, с которым мы познакомились в Ленинграде, и редактор журнала “Искусство”. Хозяева предложили щедрое угощение и приняли Фроста по-семейному, проявив горячее